

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Кто из этих четверых
мог оказаться
«кротом»? Это ведь не
измена государству,
это гораздо хуже. Это
измена всей своей
жизни, своим
принципам, своим
друзьям, своим
коллегам, которых ты
сдаешь чужой
контрразведке...*

Чингиз Абдуллаев

Шпионы,
не вернувшиеся
с холода

Чингиз Абдуллаев

Шпионы, не вернувшиеся с холода

«PEN-клуб»

2007

Абдуллаев Ч. А.

Шпионы, не вернувшиеся с холода / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2007

Контейнер с полонием уже в Лондоне, в руках у бывшего офицера ФСБ, а ныне перебежчика Витовченко. Многоходовая операция западных спецслужб по дискредитации тайной организации российских ветеранов-разведчиков «Щит и меч» началась. Осуществить подобную операцию можно только имея среди членов организации своего человека – «крота». Полковнику Караеву поручено проверить всех членов организации, а все они – люди испытанные и абсолютно надежные. Тем не менее «крот» среди них, и, чтобы вычислить его, нужно найти нестандартный ход. Полковник решается на рискованный шаг...

Содержание

ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ПРИГОРОД ЛОНДОНА.	5
ЗА ПОЛТОРА МЕСЯЦА ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. МОСКВА	11
ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. МОСКВА	14
ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ЛОНДОН	17
ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ПЛЮС ОДИН ДЕНЬ. МОСКВА	20
ЗА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ЛОНДОН	23
ЗА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ВАШИНГТОН	27
ЗА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. МОСКВА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Шпионы, не вернувшиеся с холода

Человеческое существование характеризуется тем, что человек одинок и отделен от мира; но, не будучи в состоянии вынести изоляцию, он вынужден искать связи и объединения с другими людьми. Есть множество способов для реализации этой потребности, но только один из них позволяет человеку сохранить при этом свою целостность и уникальность, только один, при котором его силы полностью раскрываются во взаимоотношениях с другими людьми. Парадокс человеческого существования состоит в том, что человек в одно и то же время ищет и близости, и независимости, единения с другими и сохранения своей особенности и уникальности.

Эрих Фромм

Предателей презирают даже те, кому они сослужили свою службу.

Тацит

ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ПРИГОРОД ЛОНДОНА.

Оба автомобиля подъехали почти одновременно. Из синего «БМВ» вышел мужчина лет семидесяти. У него были редкие седые волосы, крупные черты лица. Он был одет в клубный синий пиджак, голубую сорочку без галстука и серые брюки. На ногах были темно-синие мокасины. Он был похож на одного из тех английских пенсионеров, которые наслаждаются жизнью и социальными льготами Великобритании, оставаясь активными членами общества.

Из черного «Мерседеса» вышел совсем другой человек. Ему было гораздо меньше лет, не больше шестидесяти. Среднего роста, почти лысый, с живыми бегающими глазами, подвижным лицом, вкрадчивыми движениями. Он смешно втягивал голову при разговоре и казалось, что у него совсем нет шеи. Одетый в серый костюм и белую сорочку. Внимательный наблюдатель мог бы отметить, что этот господин редко садится за руль своей машины.

Очевидно, оба были знакомы достаточно давно. И они условились встретиться именно здесь. В пятидесяти километрах от центра Лондона, рядом с небольшим густым парком, которых было так много в этом районе. Сойдясь, они пожали друг другу руки.

– Добрый день, господин Бультман, – скороговоркой произнес второй приехавший. – Я очень рад, что мы наконец смогли увидеться.

По-английски он говорил с сильным акцентом, но достаточно неплохо. Его собеседник благосклонно кивнул:

– Здравствуйте, мистер Жуковский. Вы же знаете, как трудно бывает выбраться из города.

– Я вас понимаю, – сразу согласился Жуковский. Он оглянулся по сторонам. – Здесь достаточно тихо.

– Здесь всегда тихо, – сказал Бультман. – Я иногда позволяю себе сюда приезжать. Мы можем пройти немного дальше, и тогда нас вообще никто не увидит за деревьями.

– Конечно, – кивнул Жуковский, направляясь в сторону, указанную его собеседником, и озабоченно осведомился: – А вы считаете, что нас могут увидеть даже здесь?

– Мы ничего не можем гарантировать, – пояснил Бультман, – достаточно какому-нибудь ретивому журналисту появиться у наших автомобилей, как мне потом будет очень трудно дока-

зять, что я случайно оказался здесь рядом с вами. Согласитесь, что наша совместная встреча – это материал на хорошую сенсацию. Опальный российский олигарх и консультант английских спецслужб, даже находящийся на пенсии. Я думаю, что подобную встречу не нужно афишировать ни вам, ни мне. И соответственно ни вашим друзьям, ни моим.

– Я вас понимаю, – вздохнул Жуковский, – но иногда мне кажется, что вы и ваши коллеги слишком пассивно реагируете на угрозы со стороны Кремля.

– Мы работаем в рамках нашего законодательства, – возразил Бультман. – По нашим сведениям, их спецслужбы уже достаточно активно действуют в Европе, в том числе и в Великобритании. Вы знаете, какое количество ваших бывших соотечественников поселилось в нашей стране? Счет идет уже на сотни тысяч. И мы совсем не уверены, что среди них нет людей, которые могут представлять интерес для моих нынешних коллег. Что касается нашей встречи, то ее вообще легко просчитать. Достаточно посмотреть, как вы припарковали свой автомобиль. Вы ведь не так часто садитесь за руль? А раз вы решились на такой «подвиг», то совершенно очевидно, что у вас была важная встреча, которую вы не могли доверить даже своему водителю. Наблюдательный сотрудник, прикрепленный к вам, сразу бы понял, куда и зачем вы едете. И постарался бы вас вычислить.

– У меня своя служба безопасности, – улыбнулся Жуковский, – и свои способы конспирации. Поэтому мы выехали с водителем вместе, а уже затем, в подземном гараже, я пересел в другой автомобиль. А он будет еще часа два ездить по Лондону. И возможный наблюдатель будет видеть мою фигуру, находящуюся на заднем сиденье.

– Неплохо, – сказал Бультман, – но учтите, что это трюк на один раз. В следующий раз вы их уже не обманете. Я думаю, вы не питаете иллюзий, что русские решили оставить вас в покое. Они уже дважды присылали нам представление на вашу экстрадицию в Россию. И пока мы еще можем им отказывать, вы находитесь в безопасности. Но так не будет продолжаться вечно. Рано или поздно все может измениться. Вы же знаете, что наш премьер-министр готов объявить о своей отставке. А тот, кто придет на его место, отличается гораздо более радикальными взглядами, в том числе и на проблемы иммигрантов в нашей стране. Леворадикальными, мистер Жуковский, мы обязаны учитывать и этот фактор.

– Неужели все настолько плохо?

– Пока нет. Но может получиться так, что мы попросим вас покинуть пределы нашей страны.

– Надеюсь, что вы заранее меня предупредите. Иначе будет обидно попасть в застенки КГБ, – усмехнулся Жуковский.

– КГБ уже давно нет, – напомнил Бультман, – и вы это прекрасно знаете. Но вместо одного большого монстра, появилось несколько молодых и соперничающих друг с другом спецслужб. И у каждого руководителя свои амбиции и свои амбициозные планы. Каждый из них мечтает «отличиться». И судя по всему, они не испытывают недостатка ни в кадрах, ни в финансовой поддержке со стороны государства.

– Вот видите, – остановился Жуковский, – вы фактически подтверждаете все мои прежние заявления. Я столько раз говорил вам о конкретных угрозах со стороны нынешних владельцев Кремля. А вы все время считали, что с ними можно иметь дело.

– Мы реалисты господин Жуковский, – мягко возразил Бультман, – и мы имеем дело с теми политиками, которые представляют реальную силу. И с которыми мы вынуждены садиться за стол переговоров.

– Никаких переговоров, – резко оборвал его Жуковский, – вы же знаете, что там происходит! Убийства политических оппонентов и журналистов, полная деградация общества, устранение оппозиционных газет и журналов, расправа с неудобными, энергетический шантаж. Какие еще нужны доказательства авторитарности режима? Неужели вы ничего не понимаете?

– Мы все видим, – согласился Бультман. – Давайте не будем стоять на месте. Так легче прослушать нашу беседу, если кто-то решит узнать о чем именно мы говорим.

Они двинулись дальше.

– Насколько я понимаю, ситуацию в России вы больше не контролируете, – почти весело заявил Бультман, – а ведь совсем недавно вы были для России своеобразным графом Уориком, «делателем королей» как его называли в пятнадцатом веке. Ведь это вы помогли удержаться прежнему президенту в девяносто шестом, профинансировав его избирательную кампанию.

– Я боролся за демократию в своей стране, – гордо и с пафосом заявил Жуковский.

– И все, кто «боролся» вместе с вами, заняли первые места в списках «Форбса», – добродушно напомнил Бультман, – и ваш бывший ученик, ныне главный миллиардер в нашей стране. Или вы думаете, что у нас забыли, каким образом вы все стали олигархами? А если даже мы попытаемся забыть, нам сразу об этом напомнят. Через несколько лет именно вы помогли нынешнему президенту занять его место, сделав все, чтобы он победил на выборах. Ваши журналисты, ваши газеты и ваши телевизионные каналы просто размазали оппозицию в лице мэра Москвы и бывшего премьера, лишив их всяческих шансов на успех. Говорят, что одного из ваших журналистов, который выступал на Первом канале, вы купили за миллион долларов. Его до сих пор называют «телекиллером». Ваш вклад в «демократизацию» вашей страны можно считать неопределимым.

– Не нужно об этом говорить, – нахмурился Жуковский, – это были мои очевидные ошибки. Но теперь я абсолютно искренне считаю, что режим в России должен смениться. И сделать это можно только объединенными усилиями.

– Все не так просто, как вам кажется. Сейчас не девяносто шестой и даже не девяносто девятый год. Сегодня Россия все увереннее заявляет о себе на международной арене. По золотовалютным запасам она уже третья в мире. И не забывайте, что от поставок российского газа и нефти зависит добрая половина Европы. А бывший канцлер Германии даже согласился возглавить их новый консорциум. Очень многие проекты крупных европейских компаний так или иначе связаны с Москвой. Все это вынуждает нас действовать с некоторой осторожностью.

– Вас погубит европейская толерантность и мягкотелость, – сразу заявил Жуковский, – вы не понимаете какую угрозу европейским странам представляет нынешний режим в Москве. Он становится все более авторитарным и непредсказуемым.

– Именно поэтому я и решил встретиться с вами, – кивнул Бультман. – Дело в том, что у Москвы появились новые финансовые и экономические возможности, которых раньше не было. Появились новые лица в эшелонах высшей власти. И начали проявляться тенденции, которые стали беспокоить моих коллег.

– Вы говорите об убийстве журналистки Рудковской? – почти обрадовался опальный олигарх. – Ее, безусловно, убрали по прямому приказу из Кремля.

– У нас несколько другие сведения, – поморщился Бультман, – там действовали совсем другие люди.

– Это самое настоящее политическое убийство, – нервно произнес Жуковский, – неужели вы не понимаете, что это устранение оппозиционной журналистки, которая боролась за демократию и права человека в России?

– Она была гражданкой США? – спросил Бультман.

Жуковский озадаченно взглянул на него, не понимая, что именно хочет сказать своим вопросом Бультман. Или это было утверждение?

– Она была настоящим патриотом России, – патетически воскликнул Жуковский, – и останется в нашей памяти как пример неслышимой~

– Давайте закроем эту тему, – предложил Бультман, – и не забывайте, что убийство Рудковской произошло в Москве и, несмотря на все усилия ваших купленных журналистов и адвокатов, раскрутить эту историю невозможно. Просто потому, что все свидетели и жертва нахо-

дились в России, а нам туда не добраться. И вам туда путь заказан. Вот если бы подобное преступление произошло в Лондоне~

Жуковский взглянул на собеседника. Они понимали друг друга без слов, обмениваясь только взглядами. Это был как раз тот случай, когда никакие слова не могли заменить прямого общения. На протяжении следующих нескольких секунд они общались молча, словно опасаясь сказать лишнее. Только обмениваясь понимающими взглядами. И затем Бультман неожиданно спросил:

– Вы когда-нибудь слышали об организации «Щит и меч»?

Жуковский никогда не слышал об этой организации. Но он хотел всегда выглядеть достаточно компетентным во всем, что касалось его бывшей страны. И поэтому он с важным видом кивнул:

– Немного слышал. Между прочим, был такой известный фильм про советского разведчика. И, насколько я помню, это был один из самых любимых фильмов нынешнего президента.

– Неужели? – даже удивился Бультман. – Мы этого не знали. Тогда это объясняет некоторые моменты их деятельности.

– Вам нужно чаще со мной встречаться, – скромно заметил Жуковский. Он был рад, что ему удалось провести даже такого ветерана спецслужб, как Питер Бультман.

Но последний был слишком опытным человеком, чтобы забыть о главной теме сегодняшнего разговора.

– Вы знаете, чем именно они занимаются? – поинтересовался Бультман.

Глеб Моисеевич насторожился. Он почувствовал ловушку. Сказать неправду – окончательно потерять лицо. Нужно признаваться.

– Н-нет, – с некоторым усилием выдавил он, – я не был в курсе их последних дел.

Бультман улыбнулся. Он понял, что его собеседник блефовал. Но он давно знал мистера Жуковского, и его не удивило подобное поведение.

– Организация «Щит и меч» была создана в Москве ветеранами советских спецслужб, – пояснил Бультман. – Туда входят бывшие сотрудники КГБ и ГРУ, а также нынешние офицеры спецслужб. Судя по их финансовым возможностям и прикрытию, в руководстве организации очень высокопоставленные и осведомленные лица. Их задача – розыск и наказание всех бывших офицеров советских и российских спецслужб, которые когда-либо эмигрировали в другие страны, перешли на службу в другие разведки или начали сотрудничать с иными спецслужбами.

– Они ищут предателей, – понял Жуковский.

Бультман покачал головой:

– Как сильно в вас сидит советский человек. Мы говорим, что они ищут людей, которые выбрали для себя свободу. Свободный мир, свободный образ жизни. Как и вы, мистер Жуковский.

– Конечно. Я понимаю, – быстро ответил Глеб Моисеевич, осознавший, что допустил ошибку, – и я с вами согласен. Но для сотрудников советских спецслужб они предатели. Советская пропаганда всегда подавала подобных людей как изменников Родины.

– Организация «Щит и меч» создала специальные боевые группы для ликвидации подобных людей, – пояснил Бультман, – они руководствуются вынесенными советскими судами приговорами, которые приводят в исполнение. Слава богу, в России уже не выносят смертных приговоров, но это не мешает членам организации устранять и бывших российских сотрудников спецслужб.

– Какие мерзавцы, – сказал равнодушно Жуковский. – Это тоже порождение нынешней власти. Значит, они убивают людей без суда и следствия. Какое людоедство.

Бультман удивленно посмотрел на своего собеседника. Он прекрасно знал, что человека, с которым он разговаривал, обвиняли не только в политических интригах или экономических преступлениях. Но говорить об этом не следовало.

– У нас есть подробное досье, – продолжал Бультман. – Они убрали агента французской разведки Анри Борнара, убили несколько своих бывших сотрудников, среди которых были и лица, принявшие гражданство США.

– И вы не могли ничего сделать? – не поверил Жуковский. – Ни вы, ни ваши спецслужбы? Вы позволяли им безнаказанно убивать людей, которые перешли к вам и работали на вас?

– В Великобритании подобных случаев не было, – нахмурился Бультман. – Что касается американцев и французов, то, насколько я знаю, были попытки задержать членов организации «Щит и меч». Несколько раз организовывались засады. Но каждый раз операции проваливались~

– Почему? – перебил его Жуковский. – Как это проваливались? Почему?

– Они использовали в своей деятельности бывших «ликвидаторов» или наиболее подготовленных сотрудников спецслужб, – пояснил Бультман, – а каждый из таких людей понимает, что не имеет права попадать живым в руки другой стороны. Если хотите, это введено в них на генном уровне. Поэтому в случае любой угрозы, они скорее убивают себя, чем позволяют захватить. Сейчас двадцать первый век и средневековые пытки огнем уже никого не пугают. Достаточно сделать один укол, чтобы человек рассказал все, что он знает и даже о чем он думал в последние несколько лет. Абсолютно все. И об этом знают обе стороны. Поэтому такие «специалисты» не сдаются в плен и не позволяют себя арестовывать. Они убивают себя, стреляя в голову, для надежности. Как горько пошутил один мой знакомый французский офицер, для того чтобы после вашей смерти, голову не отрезали и не использовали в каких-нибудь экспериментах, чтобы прочистить мозги. И хотя до этого наша медицина еще не дошла, но профессионалы не сдаются, об этом все знают.

– Понятно. Они присылают своих убийц, а вы равнодушно наблюдаете, когда они сделают свое дело. Зачем вы мне это рассказали? Хотите использовать меня в качестве подсадной утки? Чтобы в Лондон приехали такие «специалисты», а вы бы на мне отрабатывали свое мастерство?

– У вас слишком буйная фантазия, мистер Жуковский, – заметил Бультман. – Я думаю, что вы не представляете интереса для подобной организации. Политические противники нынешнего режима их мало интересуют. Я даже рискну сказать, что они могут относиться к вам достаточно терпимо. В конце концов, нынешний режим, это все-таки порождение прежнего. А тот, прежний режим, который был в России с девяносто первого по девяносто девятый, они ненавидят изо всех сил.

– Будем считать, что вы меня убедили. Тогда зачем вы поведали мне эту страшную историю об убийцах, которые рыщут по всему миру? Для чего?

– Я думал, что мы понимаем друг друга, – на этот раз остановился Бультман. – У вас много знакомых из бывших спецслужб. Некоторые из них могут начать проявлять активность, чтобы привлечь к себе внимание своих бывших коллег. Вы представляете, как отреагирует здешняя пресса и наша общественность, если вдруг выяснится, что «длинные руки» российских спецслужб добрались и до Великобритании. Такая неприятная история. Нашим друзьям она понравится, мы заработаем лишние очки в противостоянии с русскими, наши заокеанские союзники будут просто в восторге, а вы получите нужные вам доказательства вины преступного режима.

Жуковский несколько озадаченно взглянул на своего собеседника. Он мгновенно просчитал все плюсы и минусы этого предложения. Но нельзя было спешить.

– Вы сказали, что нам не нужно останавливаться, – напомнил он, взяв Бультмана под руку.

– И вы можете оказать мне нужную помощь? – поинтересовался он.

– Никакой помощи, – громко ответил Бультман. И значительно тише добавил: – Но мы сможем координировать наши усилия по защите наших друзей.

Жуковский все понял. Он кивнул, не выдавая своих чувств.

– Наши американские друзья передали нам, что организация «Щит и меч» готова к проведению акций в Великобритании, – сообщил Бультман, – и нас не может не тревожить это сообщение.

Жуковский молчал. Он внимательно слушал.

– Несколько месяцев назад в миланской больнице скончался Йозас Минкявичус, – очень тихо продолжал Бультман. – Он ушел к западным немцам еще в восемьдесят четвертом. Вы можете представить сколько лет они его искали?

– Его убили?

– Мы подозреваем, что это убийство. Но пока не можем ничего доказать. Нужно разрешение итальянской прокуратуры на эксгумацию тела. И как только мы убедимся в том, что это было убийство, у нас появятся более конкретные доказательства.

– Я вас понимаю. – Жуковский оглянулся. Где-то на дороге слышались детские голоса. Двое ребят проходили мимо их машин. Мальчикам было лет по десять-двенадцать.

– Пойдемте обратно, – предложил Бультман. – Даже если это обычные дети и всего один шанс из миллиона, что их могли к нам подослать, то и тогда я не хочу давать нашим противникам этот единственный шанс. Подумайте над моими словами господин Жуковский, а я подумую над вашими. До свидания.

К машинам они выходили по одному, как заговорщики. На обратном пути Глеб Моисевич едва не сделал аварию, настолько его мысли были заняты разговором, который состоялся у него с полковником Питером Бультманом.

ЗА ПОЛТОРА МЕСЯЦА ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. МОСКВА

Он приехал домой в пятом часу вечера. Вошел в квартиру, огляделся. В последнее время он уже привык к тому, что здесь всегда был определенный порядок. Сказывалась женская рука, которой не было целых пятнадцать лет. Именно пятнадцать лет назад он развелся со своей супругой, которая вместе с сыном переехала в другую квартиру, к своей матери. И он остался один. Бывший полковник КГБ, а затем Федеральной службы безопасности России Тимур Караев.

Ему шел уже пятьдесят седьмой год. И несколько месяцев назад он встретил Элину. Он даже не верил, что подобное может с ним случиться в таком возрасте. Но и она была далеко не девочкой. Ей было за сорок, когда они познакомились. У обоих был опыт неудачных первых браков. Она успела развестись и у нее был сын примерно такого же возраста, как у Тимура. Мальчики успели познакомиться и довольно неплохо относились друг к другу. Элина организовала в Москве свою дизайнерскую фирму, которая довольно успешно развивалась. У нее была квартира в Москве, но она довольно часто оставалась у Тимура. Оба испытывали одинаковые чувства внезапно вспыхнувшей любви, когда осознаешь, что наконец встретил человека, которого искал или ждал всю свою жизнь.

Он прошел на кухню, включил электрический чайник, чтобы сделать себе чай. И услышал, как она пытается открыть дверь. У нее была своя пара ключей. Тимур прислушался. Она вошла в квартиру и, очевидно, увидев его плащ, поняла, что он уже дома. Или поняла это раньше, когда открывала дверь, увидев, что верхний замок уже открыт. Элина повесила свой плащ, надела тапочки и прошла на кухню.

– Добрый вечер. – Она села напротив, даже не поцеловав его. Это удивило Тимура. Обычно она чмокала его в щеку, входя в квартиру. Он понял по ее виду, что произошло нечто неожиданное. Она была явно взволнована.

– Что случилось? – немного устало спросил Караев. – Ты сегодня не в духе?

– Не знаю. Возможно, что и так. Даже не понимаю, что со мной происходит. Мне кажется я превращаюсь в истеричку. Не знаю, – снова повторила она.

– Успокойся, – посоветовал Тимур. – Объясни мне, что случилось?

– Мне позвонили из Италии, – тяжело вздохнула Элина. – Ты помнишь Линду? Мою знакомую, с которой мы встречались, когда были во Флоренции несколько месяцев назад. Ты еще тогда вдруг получил свой неожиданный отпуск. Помнишь?

– Конечно, помню. Это был наш первый совместный отпуск. А почему ты спрашиваешь?

– Она в больнице, – сообщила Элина, глядя ему в глаза. – Врачи подозревают у нее ту же болезнь, которая убила ее мужа. Ты помнишь ее супруга?

– Не совсем. – Он начал понимать, почему она в таком состоянии и чему посвящен этот импровизированный допрос.

– Ты его должен помнить, – упрямо произнесла Элина, – вы еще с ним так долго общались, спорили, разговаривали. А после нашего совместного ужина он вдруг начал болеть. Seriously болеть, Тимур. Он никогда до этого не болел. У него была такое хорошее здоровье. Они ходили в горы вместе с Линдой. А потом он вдруг заболел, и его отвезли в больницу. Через две недели он умер. Умер от неожиданно появившейся онкологии. Ровно через две недели Тимур, после того как они пообедали с нами. Такое странное и непонятное совпадение. А сейчас выяснилось, что заболела и его жена, моя знакомая Линда. Опять непонятное совпадение. Почему она вдруг заболела? Ведь онкология не заразна, это уже доказано. Почему она вдруг заболела такой же гадостью, как и ее бывший муж? Ты не знаешь?

– Сейчас существуют новые теории о том, что все болезни имеют вирусное происхождение, – негромко ответил Тимур, избегая смотреть ей в глаза, – даже язва или онкология. Никто не знает~

– Не нужно считать меня идиоткой, – резко прервала его Элина.

Он удивленно посмотрел на нее. Очевидно внезапная болезнь Линды ее действительно испугала и встревожила. Она никогда так с ним не разговаривала.

Видимо, она чувствует его состояние. Это плохо. Очень плохо. Он не сумел ее обмануть. А может, он и не пытался ее обмануть?

– Зачем мы поехали в Италию? – Этому вопроса он боялся уже несколько недель, после того как они вернулись с Апеннинского полуострова. – Скажи мне правду, Тимур. Я до сих пор не знаю, чем именно ты занимаешься в своей Академии ФСБ. Ты говоришь, что преподаешь. Но тогда почему в начале лета тебе дали такой неожиданный отпуск, ведь во всех учебных вузах в это время начинаются экзамены. И мы поехали именно в тот город, где жила моя знакомая. И именно там мы с ними встретились. Я все узнала. Мы разговаривали с Джулианеллой. Ты ведь наверняка знал, что Минкявичус был бывшим офицером КГБ, как и ты. Я тогда спросила тебя: может, вы раньше с ним встречались? И ты уверял меня, что ничего о нем не знал. При этом ты врал всем, что являешься преподавателем истории, и не разрешал мне сообщать, кем ты работал всю свою жизнь.

– А ты полагаешь, что нужно сообщать об этом всем твоим знакомым? – спросил Караев. – По-моему и так понятно, что эти сведения никому не интересны.

– Они интересны мне, – тихо сказала Элина, – ты, очевидно, не понял. Линда тоже попала в больницу. И я боюсь, что она не выживет. Врачи считают, что она получила сильную дозу облучения, как будто была несколько часов под рентгеном. Но она нигде и никогда не облучалась. Что происходит, Тимур? Ты можешь мне что-то объяснить?

– Я не знаю, – ответил он, наконец посмотрев ей в глаза. Ему всегда так нравились ее красивые миндалевидные глаза. – И мне действительно очень жаль Линду. Очень жаль.

– Ты не имеешь к этому никакого отношения? Ответь мне предельно честно. Я должна все знать.

– Абсолютно никакого отношения. Зачем мне нужно было убивать твою подругу? Ну откуда такие страшные предположения? Во имя чего? И как я мог ее облучить? Носил с собой рентгеновский аппарат? Тогда почему я сам еще жив? Ты же была там все время со мной. Неужели ты ничего не помнишь?

– Я помню, – вздохнула Элина, – но такие невероятные совпадения~

– Иногда случаются. – Он поднялся, чтобы приготовить ей кофе.

– Тимур. – Он стоял к ней спиной и почувствовал, что именно она ему скажет. Поэтому он напрягся, но не повернулся в ее сторону.

– Что? – спросил он.

– Ты меня извини, – сказала Элина, – конечно, все это глупости. Я когда узнала о ее болезни, потеряла всякий контроль над собой. В голову полезла всякая чушь.

Он знал, как она права и не права. Формально он не был причастен к этому убийству. Он действительно не имел прямого отношения к смерти Минкявичуса и болезни его жены. Но, по большому счету, любой независимый суд признал бы его виновным. Ведь используя связи Элины, он выехал во Флоренцию, чтобы найти Минкявичуса и подобраться к нему достаточно близко. Найти бывшего офицера Первого главного управления КГБ СССР, который ушел к западным немцам в восемьдесят четвертом и сдал нескольких своих товарищей. Приговор ему был вынесен еще советским судом, и с этой точки зрения совесть у Тимура Караева была чиста. Он всего лишь помогал исполнить решение суда и покарать предателя. С точки зрения российских законов и своей совести он не сделал ничего предосудительного. Но с точки зрения

любого европейского суда, он был виновен в том, что вышел на Минкявичуса и помог его убийцам привести приговор в исполнение.

И с совестью тоже были определенные проблемы. Ведь он обманывал любимую женщину, используя ее в качестве своеобразной приманки. Но об этом он не хотел даже думать. Налив ей кофе, он обернулся к Элине. Поставил чашечку на стол.

– Я даже не знаю, что тебе сказать, – почти искренне ответил Караев. – Мне так жаль~

– Спасибо за кофе, – вздохнула она. – Я, кажется, глупо сорвалась. Может, мне лучше сегодня уехать к себе? Я, наверное, еще не разобралась в собственных чувствах.

– Не нужно, – попросил он. – Я думаю тебе лучше остаться. Нам нужно быть вместе. Именно в таких случаях.

Он подошел к ней, и она поднялась. Тимур обнял ее, чувствуя себя почти мерзавцем. Но даже думать об этом не хотелось. Он бережно прижал к себе женщину.

«Будь они все прокляты», – подумал он. И было непонятно кого он имел в виду. Предателя Минкявичуса и ему подобных, своих бывших коллег по работе или членов своей новой организации. А может, всех вместе. Всех шпионов, которые так и не хотели возвращаться с холода, полагая, что холодная война, состояние вечного противостояния различных государств – это навечно. И иногда Караеву казалось, что они правы.

ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. МОСКВА

Председатель Государственной технической комиссии генерал армии Иван Сергеевич Большаков находился в своем кабинете, когда раздался телефонный звонок. Большаков удивленно взглянул на лежавший перед ним мобильный телефон. Этот номер знали только несколько человек. Позвонивший немного подождал и отключился. Теперь нужно ждать второго звонка. Если ему позвонят во второй раз и снова быстро отключатся, не дожидаясь ответа, значит, ему послали специальное сообщение. Большаков взглянул на телефон. Секунды тянулись томительно долго. И аппарат позвонил во второй раз. Снова три звонка. И опять позвонивший отключился, не дожидаясь, пока ему ответят.

Государственная техническая комиссия считалась неким аналогом американского Агентства национальной безопасности и занималась обеспечением безопасности и защиты информации наиболее важных государственных органов страны. Руководитель Комиссии назначался указом президента страны и считался чиновником на правах федерального министра. Большаков еще раз взглянул на телефон и, поднявшись, прошел в комнату отдыха, находившуюся за его спиной. Он устало сел на диван, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, развязал узел галстука. Он так надеялся, что ему не позвонят. Он так верил, что этот звонок никогда не раздается. Но ему позвонили. И он обязан принимать меры. Большаков закрыл глаза. С тех пор как он согласился возглавить «Щит и меч», прошло довольно много времени. Он тогда был первым заместителем председателя. А теперь уже председатель. Но именно поэтому он обязан был все предвидеть. И теперь он обязан принимать более конкретные меры.

Большаков тяжело поднялся и вернулся в кабинет. Он знал, что его кабинет охраняется самыми совершенными техническими системами, позволяющими почти полностью исключить возможность прослушивания, но в этот день он обязан был не доверять даже самому себе. Его кабинет охранялся так же, как и кабинет президента страны, любые сигналы, позволявшие услышать, что именно здесь творится, глушились и искажались специальной аппаратурой. Иван Сергеевич вызвал секретаря и попросил найти генерала Чеботарева.

Через пять минут секретарь доложил, что Чеботарев на другом конце провода. Генерал Чеботарев был одним из заместителей руководителя Службы внешней разведки, с которым работала Государственная техническая комиссия. Большаков вздохнул и поднял трубку.

– Добрый день, Александр Дмитриевич, – бодро начал он свой разговор.

– Здравствуйтесь, Иван Сергеевич. – Чеботарев имел две генеральские звезды и был соответственно генерал-лейтенантом.

Это мог быть обычный разговор между двумя крупными руководителями, если бы не одно очень интересное обстоятельство. Чеботарев был как раз тем самым человеком, который несколько минут назад дважды позвонил Большакову и дважды дал отбой, не дожидаясь, пока ему ответят. А сам Большаков мог вполне перезвонить ему по телефонам правительственной связи. Но он не стал бы этого сделать ни при каких обстоятельствах, чтобы не вызывать ненужных подозрений. И поэтому он позвонил своему собеседнику по обычному городскому номеру, который был защищен от прослушивания с обеих сторон.

– Как у нас дела? – поинтересовался Большаков. Это означало, что он получил сообщение и теперь его интересовали детали.

– Все нормально, – ответил Чеботарев, что в данном случае подразумевало как раз обратное.

– Никаких новых сообщений? – Большакову нужны были конкретные детали.

– Ничего нового. Но наши предположения полностью подтвердились. Я думаю, что нам необходимо встретиться. – Это означало высшую степень тревоги и подтверждало худшие опасения Большакова. В их организации появился «крот», причем не такой, который работает на

государство, сдавая своих коллег по организации, таких предателей они как раз не боялись. Появившийся «крот» был куда страшнее. Этот сотрудник работал на другую сторону. Он сделал то, чего нельзя было делать ни в коем случае, он начал поставлять вероятному противнику информацию о самом существовании организации. А это было смертельно опасно и для организации, и для ее членов. Государственные органы, осведомленные о деятельности организации, могли закрывать глаза на их операции за рубежом только до тех пор, пока о самой организации никто не знал. В случае любого провала или любой утечки информации организацию следовало в лучшем случае распустить, в худшем – уничтожить. И это хорошо понимали все сотрудники организации.

– Неужели все так срочно? – печально переспросил Большаков.

– Да, – ответил Чеботарев, – но я думаю, что нам не нужно торопиться. Увидимся, когда сможем. – Это означало, что увидеться нужно сегодня.

– Тогда недели через две я вам позвоню. – Большаков назначил встречу через четыре часа. Чеботарев его понял. Оба попрощались и положили трубки. Со стороны их разговор мог показаться обычным разговором двух государственных чиновников о каких-то внутренних проблемах своих ведомств.

Большаков появился в условленном месте ровно через четыре часа. Чеботарев опоздал на полторы минуты. На самом деле это была не одна квартира, а две, и вход в них был из разных подъездов. Общая стена была снесена, и генерал могли встретиться в комнате, которая тоже была оборудована защитой от прослушивания. Они пожали друг другу руки и сели за стол. Чеботарев был намного моложе Большакова. Ему было только сорок четыре года.

– Вы получили подтверждение? – сразу уточнил Большаков.

– Да, – кивнул Чеботарев. – Из Испании пошло сообщение в США, сразу после смерти нашего Фармацевта. Они отмечают, что агент был сбит автомобилем, в котором предположительно находились его сообщники. И указывают на название организации.

– Они сообщили название? – мрачно спросил Большаков.

– Да, – безжалостно ответил Чеботарев, – им известно название организации и задачи, с которыми Фармацевт прибыл в Испанию. Мы получим этому подтверждение. Между прочим, сообщение будет передано по инстанциям.

– Я понимаю, – кивнул Большаков, – но меня больше беспокоит, что американцы узнали название нашей организации.

– Наши источники достаточно надежные, – сообщил Чеботарев.

– Не сомневаюсь. Значит, у нас появился «крот»?

– Да, – ответил Чеботарев, – и наша задача его срочно найти.

– В нашей организации состоит несколько тысяч человек, – напомнил Большаков. – Как мы будем искать? Проверять каждого? На это уйдет несколько лет. Вычислить тех, кто мог контактировать с иностранцами? Это тоже не метод. Сейчас у всех дома стоит Интернет и есть мобильные телефоны. Это раньше нужно было вычислять возможного радиста и шифровальщика или искать тех, кто бывал за рубежом и имел контакты с иностранцами. А сейчас? Вы же понимаете, что это может быть и сотрудник вашего ведомства, Александр Дмитриевич.

– Кто угодно, – согласился Чеботарев. – Но искать нужно немедленно. Иначе потом будет поздно. «Крот» может просто провалить все наши последующие операции. Я уже не говорю о том, что у нас могут быть неприятности и в Москве.

– Здесь неприятностей не будет, – сообщил Большаков, – пока американцы или еще кто-нибудь не предъявят нам конкретных доказательств существования нашей организации –

– А если предъявят? – прямо спросил Чеботарев. – Что будем делать тогда?

– Стреляться, генерал. – Непонятно было, Большаков шутит или говорит серьезно. – Мы создавали организацию, которая должна защищать интересы нашей страны. Пусть даже не совсем обычным способом. Мы создавали организацию для того, чтобы выполнять работу,

которую не могут делать наши официальные государственные службы. И я рассматривал свою деятельность в организации, как такую же службу своей Родине, как и моя деятельность в Комиссии. И надеюсь, что большинство наших сотрудников думают так, как я. Поэтому при любом раскладе мы не имеем права подставлять свою страну.

– Государственная дума официально разрешила проводить операции за рубежом с целью розыска лиц, виновных в гибели наших сотрудников, – напомнил Чеботарев, – а предатели всегда виноваты в гибели наших соотечественников.

– Это мы с вами будем объяснять в прокуратуре, когда нас позовут на допрос, – добродушно заявил Большаков. – Давайте подумаем, что нам делать. У вас есть конкретные предложения?

– Начать полномасштабную проверку. Об организации знают все ее члены, а об операции Фармацевта в Испании были осведомлены только несколько человек. От силы двадцать или тридцать, – напомнил Чеботарев. – Я думаю, удастся вычислить «крота».

– Эти двадцать или тридцать – наши самые лучшие сотрудники. И самые проверенные, – в сердцах возразил Большаков, – не говоря уже о том, что список должны открывать наши с вами фамилии.

– Правильно, – улыбнулся Чеботарев, – только мы с вами вне игры. Если бы американцы получили такого «крота», как вы или я, это была бы их самая крупная удача за все время существования спецслужб США и России. Вы можете себе представить, каким количеством оперативной информации я обладаю? Зачем мне продавать информацию об организации, если я знаю почти всех резидентов нашей разведки, работающих в Европе? По-моему, вывод очевиден. То же самое и с вами. Завербовать руководителя Государственной технической комиссии просто невозможно. Такие люди, как вы, проходят путь, длиной в целую жизнь. Если собрать все секреты, которые вы знаете, их будет столько же, сколько у президента страны или премьер-министра. У американцев не хватит денег, чтобы купить вас, Иван Сергеевич.

– Спасибо, – кивнул Большаков. – Прямо «патетическая соната». Только от этого мне не легче. Я знаю людей, с которыми работаю, уже много лет. И среди них никогда не было предателей. Вы же осведомлены, как именно я отношусь к подонкам, которые готовы ради «тридцати сребреников» сдать свою Родину или своих бывших коллег.

– Нужно искать «крота», – твердо решил Чеботарев. – У нас есть человек, которого пока не знают в нашей организации?

– Есть толковый специалист, – вспомнив о Караеве, сказал Большаков, – недавно он вернулся из Италии. Я думаю, что мы можем поручить поиски ему.

– Тогда все. – Чеботарев взглянул на часы. Поднялся. – Вы разрешите мне уйти?

– Конечно. – Большаков взглянул на молодого генерала. – Скажите мне, Александр Дмитриевич, только искренне, зачем вы вступили в организацию? Ведь когда распался Советский Союз, вам было только двадцать восемь или двадцать девять лет. Неужели у вас сохранилось некое чувство ностальгии? Или вы считали себя проигравшим в холодной войне? Но ведь вы были тогда лейтенантом.

– Капитаном, – поправил его Чеботарев. – Я работал прикрепленным к центральному аппарату. В августе девяносто первого. У меня на глазах сносили памятник Дзержинскому. Мы находились в здании на Лубянке, готовые умереть, если понадобится, но не пустить туда посторонних. Мы все были тогда готовы умереть. У каждого был свой последний патрон. И каждый из нас понимал, что случится, если толпа ринется в наше здание. Нас разделяли несколько сот метров. Многие тогда сбежали. Я остался. Я ответил на ваш вопрос, Иван Сергеевич?

– До свидания. – Большаков поднялся и протянул ему руку. – Я слышал об этой истории. Но хотел, чтобы вы сами мне обо всем рассказали.

ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ЛОНДОН

Он был обижен. Нет, он был даже не обижен. Он был взбешен. Как много он сделал для опального олигарха. Как тогда старался сделать все, о чем его просили. Сначала он уговорил несколько своих бывших коллег выступить вместе с ним на совместной пресс-конференции. Она получилась достаточно громкой и провокационной. Они заявили, что им было поручено убийство известного олигарха Глеба Жуковского.

После такого заявления он должен был уйти из органов. И все его коллеги, которых он уговорил выступить вместе с ним, тоже ушли. Не помогли ни черные маски, ни невнятные бормотания. Их быстро вычислили. По существующим правилам, принятым в любых спецслужбах мира, они не имели права выступать на пресс-конференциях, тем более с подобными откровениями. Им тогда никто особенно и не поверил. В истории спецслужб не бывало подобных откровений сразу целой группы офицеров. Такие заявления были похожи скорее на организованную провокацию, чем на реальную угрозу. И их всех просто уволили из органов. В том числе и его, полковника Витовченко.

Но их пресс-конференцию запомнили те, кто никогда и ничего не забывал. Против него возбудили сразу два уголовных дела, его товарищей начали преследовать. Некоторые сразу сдались, пойдя на сотрудничество. Некоторые сбежали. Он уехал в Лондон, поддавшись на уговоры опального олигарха. Тогда казалось, что ему нечего опасаться. С большими деньгами в Лондоне можно было очень неплохо устроиться. Собственно, неплохо устроиться можно везде, когда имеется солидный банковский счет. Но олигарха его просто обманул. Он выделял ему на проживание только полторы тысячи фунтов, на которые можно было лишь существовать, не умирая с голода. И отдельно оплачивал его расходы на жилье.

Полковник Витовченко в этот день приехал на встречу со своим старым знакомым, чтобы договориться с ним о небольшом интервью для одного из американских изданий. Иногда он соглашался ради небольшого гонорара придумать очередную историю или рассказать о кознях бывшего КГБ. Правда, платили немного, но это были деньги, в которых он так нуждался. Его знакомый – Анри Ланьель, мужчина без определенного возраста, которому можно было дать и пятьдесят, и шестьдесят, и все семьдесят. Он красил волосы в какой-то неприятный рыжеватый цвет. Всегда носил яркие пиджаки и был больше похож на сутенера средней руки, чем на солидного бизнесмена. Впрочем, бизнесменом он никогда и не был. Он был журналистом, осведомителем полиции, крупье в казино, продавал автомобили, владел небольшой туристической фирмой. Одним словом, занимался всем, чем можно, так и не сумев сколотить достаточно капитала на жизнь. Вдобавок ко всем своим проблемам он был импотентом, и последние тридцать лет его мало интересовали женщины. Может, поэтому он их так люто ненавидел.

Ланьель появился в кафе, опоздав на двадцать пять минут. Виктор Витовченко зло смотрел на часы. Его знакомый никогда не отличался особой пунктуальностью. Вот и теперь он появился, одетый в какую-то замшевую куртку непонятного буро-серого цвета и серые брюки в крупную клетку. На шее у него был красный шарф.

– Вы опоздали, – зло заметил Витовченко.

– Знаю. – Ланьель взглянул на часы. – Я приехал почти вовремя. Вы знаете, какие сейчас пробки в городе? Мне еще повезло, что мы так быстро проскочили. Официант, мне кофе. Капучино, пожалуйста.

– Когда у нас интервью? – уточнил Витовченко.

– Интервью откладывается, – вздохнул Ланьель.

– Как это откладывается? – не понял Витовченко. – Вы с ума сошли? Я приехал сюда ради этого дурацкого интервью. Вы же сказали мне, что все решено.

– Это сказал не я, – быстро заметил Ланьель, – это сказал мне мой знакомый американский журналист. Он думал, что вы действующий сотрудник КГБ, а когда я сказал, что вы уже не работаете почти десять лет, он быстро извинился и ушел. Им нужны действующие сотрудники, а не бывшие.

– Действующих сотрудников КГБ нет, – повысил голос Витовченко, – хватит говорить глупости. КГБ не существует уже шестнадцать лет. Вы все время меня обманываете, Ланьель. Думаете, что я позволю меня так дурачить. Может, хватит уже ваших дурацких трюков. И почему вы так одеваетесь? С вами никто не захочет иметь дело. Нельзя всерьез воспринимать человека в такой разноцветной одежде.

– Чем вам не нравится моя одежда? – обиделся Ланьель. – Я чувствую себя нормально. И мне так нравится.

Официант принес ему заказанный кофе.

– Ну и ходите как попугай, – зло сказал Витовченко, – а я больше не хочу иметь с вами никаких дел. Вы мне просто надоели, Ланьель. И учтите, что сегодня за кофе будете расплачиваться вы.

– Вы еще и жадина, – вздохнул Ланьель. – Почему вы все такие неблагодарные? Я столько для вас сделал, а вы не хотите даже угостить меня чашечкой кофе.

– Не угощу, – грубо ответил Витовченко, – и вообще я думаю, что нам нужно раз и навсегда прекратить наши отношения. Вы не очень серьезный человек, мистер Ланьель.

– Вы неблагодарный человек, – всплеснул руками француз, – я столько для вас сделал! Благодаря мне вы дали интервью четырем американским и французским изданиям. Вы теперь самый популярный человек на Британских островах.

– Еще скажите, что меня любят, как покойную принцессу Диану, – перебил его Витовченко. – Я ухожу, Ланьель. И больше мне не звоните.

– Подождите, – остановил его француз, видя, как он пытается подняться, чтобы уйти, – у меня есть к вам важное дело. Очень важное, господин Витовченко. Не уходите. Выслушайте меня. У меня появился итальянский друг, который~ Подождите, не уходите. Он предлагает очень интересный проект. Дело в том, что у него~ Ну подождите. Послушайте меня хотя бы еще немного. Он собирается опубликовать статью о сотрудниках КГБ, работающих в Италии. И ему нужен консультант. Если вы согласитесь, он готов заплатить. Честное слово. Пять тысяч долларов. Даю вам слово. Я возьму с вас только сорок процентов.

– Идите к черту, – поднялся Витовченко.

– Хорошо. Тридцать пять. Не уходите. Я согласен на тридцать. Честное слово заплатит. Большие деньги. Ему действительно нужна ваша консультация.

– Пять тысяч долларов? – переспросил Витовченко, остановившись.

– Полторы мои, остальные ваши, – быстро подсчитал Ланьель. – Если согласны, то заплатите за кофе, и мы поедem к нашему знакомому. Он очень вами интересовался.

Витовченко пробормотал по-русски ругательство. Затем подозвал официанта и расплатился за кофе. Через полчаса они уже направлялись на встречу.

– Как зовут вашего придурка? – осведомился Витовченко, когда они разместились на заднем сиденье черного английского такси.

– Сеньор Альтафини, – сообщил Ланьель. – А почему вы решили, что он придурок?

– С вами может иметь дела только законченный идиот, – ласково сообщил Витовченко.

– Я даже не знаю, когда мне нужно на вас обижаться, а когда смеяться, – недовольно сказал Ланьель, отодвигаясь в угол.

– Всегда обижайтесь. Так будет надежнее, – посоветовал Витовченко.

Ланьель обиженно умолк. Через полчаса они были уже на месте. В отеле «Шератон» их уже ждали. На этот раз Ланьель не обманул. За помощь в подготовке материалов Витовченко действительно получил три с половиной тысячи долларов. Ланьель забрал свои «комиссион-

ные». Ни один из них даже не подозревал, что встреча с итальянским журналистом станет роковой для обоих.

ЗА МЕСЯЦ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ПЛЮС ОДИН ДЕНЬ. МОСКВА

В этот день его вызвал к себе генерал Попов. И предложил отправиться в Государственную Комиссию.

– Они просили прислать им толкового специалиста из наших преподавателей, – пояснил Попов. – Мы посоветовались и решили, что вы самая подходящая кандидатура, полковник Караев. Мы откомандируем вас в распоряжение ГТК. У вас есть вопросы?

– Нет. – Тимур знал, что сам Попов тоже был членом организации. И поэтому такой срочный вызов в Комиссию его не удивил. Караев помнил, что во главе организации стоит глава Комиссии. А Попов являлся заместителем начальника Академии ФСБ. Поэтому полковник Караев кивнул и вышел из кабинета. Уже через два часа он был в кабинете Большакова. А затем они долго спускались вниз, чтобы остаться в одном из тех помещений, где их не могли услышать ни свои, ни чужие. Оба уселись в мягкие кресла, в которых не было металлических частей. Считалось, что такие кресла хуже отражают звуковые сигналы.

– Мне сообщили об операции в Италии, – сразу начал Большаков. – Вы очень удачно вписались в нашу организацию полковник Караев. Я начинаю испытывать чувство гордости. Ведь вы мой своеобразный «крестник». Это с моей подачи вас приняли в организацию.

– Я об этом помню, – ответил Тимур, – хотя иногда мне кажется, что я должен был отказаться еще на прежнем этапе.

– Почему? – сразу спросил Большаков. – Вас, что-то не устраивает?

– Вы знаете, как прошла моя командировка в Италию? Я поехал туда со своей подругой. С женщиной, которую я люблю и на которой хочу жениться. Я об этом вам говорил. Получилось, что мы подставили ее для того, чтобы найти ее знакомых и выйти на Минкявичуса.

– Давайте разберемся, – предложил Иван Сергеевич. – Вы сожалеете о его смерти? Вы ведь читали его досье. Да или нет?

– Нет, – ответил Караев, – он был предателем. Такой классический вариант изменника.

– Хорошо. Тогда, что именно вас беспокоит?

– Я обманул свою подругу. Мне кажется, что я поступил не совсем этично, когда невольно втянул ее в эту операцию.

– Вы никогда не обманывали свою первую супругу. Только откровенно?

– Иногда, – улыбнулся Тимур.

– Какие еще проблемы морального плана вас волнуют? – уточнил Большаков.

– Только эти. Я разделяю цели нашей организации, но моя последняя командировка в Италию оказалась достаточно сложным испытанием. И об этом я хотел вам сказать.

– В таком случае у меня к вам вопрос, полковник Караев. Как вы считаете, Тимур Аркадьевич, сколько людей на вашем месте позволили бы себе так сомневаться, как вы? Только откровенно. Вы ведь были не просто контрразведчиком, а много лет работали в аналитических службах.

– Никто, – усмехнулся Караев, – вы правы. Но во мне сидит это чувство вины. Кроме того, я узнал, что неожиданно заболела и супруга Минкявичуса. Мне кажется, что этот как раз тот случай, когда может пострадать невинный человек.

– Может, – сурово ответил Большаков. – А вы помните, скольких людей сдал Минкявичус? Подумайте о семьях, где остались без мужа и отца. А скольких он сдал потом, после восьмидесяти девятого, когда Германия объединилась. Он ведь неплохо знал бывших сотрудников «Штази». Это война, полковник, вечная холодная война, и на этой войне бывают и такие жертвы. Помните, Джон Ла Карре написал о Маркусе Вольфе книгу «Шпион, который вер-

нулся с холода»? Так вот, наши шпионы с холода не смогли вернуться. Они все остались там. Навсегда. А Вольфа потом чуть не посадили в тюрьму. И только за то, что он остался верен своей присяге и своим друзьям. Он ведь так никого и не сдал, хотя американцы и немцы обещали ему миллионы и обеспеченную жизнь.

– Получается, что вы меня уговариваете, – заметил Караев, – а я ведь не кисейная барышня.

– Не уговариваю, – возразил Иван Сергеевич, – пытаюсь понять. Мне нравится ваше отношение к делу. Ваша интеллигентность, если хотите. Ваши сомнения. Это как раз те качества, которые я всегда ценил в людях. Вы ведь аналитик, а не спецназовец. Хотя, когда понадобилось, вы проявили свои лучшие качества. Устроили такую катавасию, о которой до сих пор помнят наши сотрудники. С выбрасыванием тела из окна. Решительный и смелый шаг. А самое главное – неожиданный, что особенно ценится в нашем деле. Нестандартное мышление. Мы поэтому обратили на вас внимание Тимур Аркадьевич. Вам нужно мыслить, рассуждать, анализировать, думать. И если вдобавок к этим качествам у вас будет еще задействована и совесть, то это лучшее сочетание, о котором только можно мечтать. Я не люблю бессовестных исполнителей, Караев, мне всегда больше нравились сомневающиеся моралисты.

– Спасибо, – ответил Тимур, – теперь буду знать, по какой категории я у вас прохожу.

– Закончим нашу дискуссию, – предложил генерал. – Я позвал вас по очень важному делу. Дело в том, что в нашей организации появился «крот».

– Вы хотите сказать, что в организацию пробился чужой?

– У нас не бывает чужих. Мы не принимаем в наши ряды со стороны. Только сотрудников спецслужб, которых мы знаем многие годы, иногда даже десятки лет. Но в данном случае у нас возникла утечка информации.

– Этого следовало ожидать, – сказал Караев. – Огромная организация в которую входит много людей. Рано или поздно о ее деятельности все равно бы узнали в ФСБ или в прокуратуре.

– Вы меня не поняли, – с досадой заметил Большаков, – речь идет не об этом. Наши внутренние проблемы мы можем решать без привлечения специалистов-аналитиков. У нас иная проблема, гораздо более сложная. И очень тревожная. «Крот» работает на американцев.

– На каких американцев? – Караев даже не сразу понял, о чем ему говорит генерал.

– На Центральное разведывательное управление, – пояснил Большаков.

– Я вас не понимаю, – удивился Караев. – С каких пор американцев интересуют наши ветеранские организации? Для чего? Их должны волновать секреты вашей Комиссии или Академии ФСБ, где я работаю.

– Они вычислили наших людей, – мрачно сообщил Большаков, – начали активный пресинг повсюду. Попытались взять двоих в Сан-Франциско. Устроили засаду в Испании, где мы потеряли еще троих. Они уже знают о существовании организации и понимают, что мы действуем не как обычные государственные органы. Им нужна информация о нашей организации и о наших действиях за рубежом. Вы понимаете, Караев, какую игру они начали против нас? Они попытаются использовать существование организации для того, чтобы еще раз обвинить нашу страну в нарушении разного рода международных конвенций и договоров. Никто и не вспомнит, что американцы нарушали все мыслимые международные правила, когда вторгались в Ирак или в Афганистан, когда бомбили Сербию или похищали людей по всему миру. Они считают, что имеют право на подобные активные действия. И отказывают в праве на такую деятельность другим. Поэтому им важно представить существование нашей организации как вызов всей нашей страны современному международному праву. Хотя, как вы знаете, мы никогда не работаем против иностранных граждан, если только эти граждане не были нашими осведомителями в прошлом и не сдавали наших агентов.

– Что я должен сделать?

– Найти «крота». Для этого вам придется ознакомиться со всеми списками, узнать всех, кто мог быть причастен к командировкам нашим сотрудникам в Испанию и США. После этого задания у вас не будет возможности выйти из организации. Вы узнаете все, что можно узнать. Я не боюсь, что вы можете оказаться предателем, мы слишком тщательно и полно изучали ваш психотип. Но вы можете «сломаться». Поэтому я должен вас откровенно предупредить. После выполнения этого задания, вы никогда не сможете покинуть организацию. Это останется вместе с вами на всю оставшуюся жизнь. Задача у вас почетная, но очень сложная. Вы согласны? Время на обдумывание моего предложения у вас нет. Да или нет.

– Да, – сказал Караев, – я согласен.

– Я почему-то был уверен, что вы согласитесь, – сказал Большаков.

– А как моя командировка в Англию? – напомнил Караев. – Попов говорил мне о ней.

– Именно поэтому нам так важно найти «крота», – сказал Иван Сергеевич. – Мы планируем проведение в Великобритании очередной операции по ликвидации одного из самых известных предателей в истории существования нашей внешней разведки.

Караев недоуменно взглянул на своего собеседника.

– Вы наверняка слышали его фамилию, хотя лично не знали, – продолжал Большаков, – но тогда о нем узнали все сотрудники КГБ СССР. Это был абсолютно беспрецедентный случай.

Караев, все еще не понимая, ждал, когда генерал наконец сообщит ему фамилию предателя.

– Он был нашим резидентом в Лондоне, – наконец сообщил Иван Сергеевич, и Караев изумленно прошептал:

– Гордиевский~

– Полковник Олег Гордиевский, – кивнул Большаков, – один из самых больших провалов нашей разведки в Великобритании. Мы считаем, что спустя столько лет мы можем принять решение в отношении человека, который стал символом предательства. Что касается вашей командировки в Лондон, то мы пошлем вместо вас другого сотрудника. Вы останетесь в Москве с особым заданием. И учтите, что ваши поиски должны быть максимально эффективными. И максимально быстрыми.

– Надеюсь, вы не считаете, что я могу найти «крота» за сутки?

– Об этом мы можем только мечтать. С завтрашнего дня вы работаете у нас в Комиссии. Считаетесь прикомандированным сотрудником. А сейчас мы поднимемся наверх, и я покажу вам списки подозреваемых. Нужно будет проверить каждого из них.

ЗА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ЛОНДОН

Альтафини позвонил ему, как только вышла серия статей о бывших сотрудниках КГБ. Она вызвала в Италии большой ажиотаж, и газета увеличила свой тираж почти на десять процентов, что, по меркам любого крупного издания, было очень хорошим показателем. Именно поэтому Марчелло Альтафини пригласил своего нового знакомого в ресторан на Пиккадилли, чтобы отпраздновать совместный успех.

В этот ливанский ресторан «Фахреддин» Витовченко приезжал несколько лет назад. Тогда ресторан считался одним из лучших в городе. На первом этаже находился итальянский ресторан, а крутая лестница вела на второй этаж, где располагался «Фахреддин». Но с тех пор прошло несколько лет. Цены выросли почти в два раза. Исчезла роскошная обстановка арабского ресторана. Появились обычные столы и стулья, а среди официанток были в основном девушки из Восточной Европы, которые лениво передвигались по залу, не спеша обслуживая немногочисленных клиентов. Не в лучшую сторону изменилась и кухня.

Альтафини было сорок шесть лет. Это был полноватый мужчина с зачесанными назад темными волосами. Крупный нос, живые глаза, пухлые губы. На щеке сияла большая темная бородавка. Он был одним из тех «разгребателей грязи», которые есть почти в каждом крупном европейском издании. Одним из тех журналистов, которые работают с непроверенными материалами, предпочитая сенсационность объективности. Его статьи о бывших сотрудниках КГБ, якобы наводнивших Апеннинский полуостров, вызвали огромный резонанс в Италии. С одной стороны, там было много непроверенных слухов, грязных намеков и беспочвенных обвинений, а с другой – он привел несколько реальных фактов и этим придал своей серии статей некий налет объективности.

– Вы читали сообщения в английских газетах о ваших статьях? – поинтересовался Витовченко. – Они считают, что вы использовали не совсем проверенные сведения.

– Зависть моих коллег, – развел руками Альтафини. Он часто жестикулировал руками и его дорогие запонки сразу бросались в глаза. Витовченко даже полагал, что Альтафини делает это нарочно.

– У меня был такой опытный консультант, как вы, – улыбнулся Альтафини, поднимая бокал. – Ваше здоровье, господин Витовченко.

– Спасибо. Ваше здоровье. А почему вы назвали турецкого террориста, стрелявшего в папу римского, советским агентом? Он мог быть, скорее, болгарским агентом.

– Какая разница? – отмахнулся Альтафини. – Это большая политика. Болгария сейчас вступает в Евросоюз, ее считают оплотом европейской демократии в Восточной Европе, а я вылезая со своими рассуждениями о том, как их бывшая разведка хотела убить Иоанна Павла Второго. По-моему, легче сразу написать, что Агджа был подготовлен советской разведкой. Сейчас русские спецслужбы снова становятся новым пугалом в Европе. И это очень благодатная тема, мистер Витовченко. Русских снова начинают бояться. До девяносто первого все считали, что ваши танки могут за несколько дней оказаться в Париже и Риме. Потом вы развалили свое государство. Сначала вас все жалели. Даже сочувствовали. Когда ваш Ельцин залез на танк и объявил, что заговорщики не пройдут. Потом у вас были сложности с продуктами и деньгами. Вас немного опасались, но уже не боялись. А потом, в девяносто четвертом, вы вывели свои войска из Германии. Ваш Ельцин тогда так удачно «дирижировал» этим выводом. Над вами начали потешаться, вы казались уже не опасными, но жалкими и ничтожными. Потом вы начали просить денег, у вас были еще большие сложности, и всем казалось, что Россия уже исчезла с карты мира как самостоятельный политический игрок. Особенно при вашем

тогдашнем министре иностранных дел Козыреве. Он готов был подписаться под любым заявлением американцев.

Альтафини выпил немного вина и продолжал:

– Потом у вас наступила относительная политическая, стабильность и вы сразу ввели свой «валютный коридор». Шесть рублей за доллар. Почти как французские франки. В девяносто седьмом по всей Италии и Франции были только ваши туристы. Мы вас уже не боялись. Вы начинали нас раздражать.

Официантка принесла салаты.

– Потом у вас случился дефолт, и всем казалось, что ваша страна просто обречена на беспорядки и хаос. Но вы опять всех удивили. Сумели вылезти из такой невероятной ситуации. Тогда наши аналитики спорили, когда в Москве начнутся вооруженные столкновения. И опять все ошиблись. Вы сумели сделать невозможное. А потом к власти пришел другой президент. И начала меняться конъюнктура рынка. Вы снова начали набирать прежнюю мощь. Укрепили свою политическую систему и стали экономически развиваться. Через несколько лет изумленная Европы вдруг обнаружила, что вы опять появились рядом с нами. Сильные, мощные, по-прежнему очень опасные. И еще вдобавок очень богатые. Я не имею в виду деньги. Я говорю о настоящем богатстве – о природных ресурсах. Нефть, газ, лес, вода, золото. Такое ощущение, что Бог решил все дать именно вашей стране. И мы снова вас боимся, понимая, что ваши ракеты имеют солидную финансовую подушку, которая помогает им удерживать «равновесие». Вот такая политическая история, господин Витовченко.

– Вы неплохо разбираетесь в событиях последних пятнадцати лет в России и в мире, – заметил Витовченко, – только вы не говорите о том, что политический режим в Москве стал совсем другим.

– Это как раз и беспокоит всех европейских либералов, – сообщил Альтафини. – Я хотел сказать вам об этом. Развал Югославии привел к многочисленным войнам, когда все воевали против всех. А развал Советского Союза обошелся малой кровью, зато ваши ракеты были перебазированы из других республик в Россию. И стали важной составляющей вашей угрозы. Я уже не говорю об обычных вооружениях, которые расползались по всему миру. Вы же наверняка слышали, как некоторые бывшие советские республики продавали оружие Ираку, Сирии, Ирану и Афганистану.

– Я об этом знаю, – угрюмо кивнул Витовченко. – Зачем вы мне все это рассказываете?

– Мне сделали очень интересное предложение, – немного понизил голос итальянский журналист. – Они знают, что меня интересуют подобные вопросы, и предложили мне выступить посредником в покупке «красной ртути». Можете себе представить? Особый материал, который они используют для своего ядерного оружия. Для зарядов малой мощности.

– Это слухи, – недовольно заявил Витовченко, – никакой «красной ртути» в природе не существует.

– Тогда предлагаю полететь вместе со мной и убедиться на месте. Если такое вещество появится у меня, то это будет настоящая мировая сенсация.

– Вам ее никто не продаст.

– Давайте пари, – предложил Альтафини, – сделка состоится через неделю. Или дней через десять. Я лично доставлю вам эту «красную ртуть».

– Кто вам ее предложил?

– Конечно, посредники. Они вышли на меня и предложили мне купить часть этого вещества. Можете себе представить? Они просят полтора миллиона долларов. Но у меня пока нет подобных денег. И моя редакция не собирается рисковать такой суммой. Но я думаю, деньги мы все равно найдем.

– Подождите, – вдруг сказал Витовченко, – вам нужны деньги, чтобы купить эту «красную ртуть»? – Он вдруг понял, в какую сенсацию можно будет вложить деньги. Если они приобретут

это таинственное вещество, продать его можно будет в пять, в десять раз дороже, сделав на этом целое состояние.

– Я найду деньги, – неожиданно сказал он.

– Что? – чуть не подавился Альтафини.

– Я найду деньги, – уверенно заявил Витовченко, – только вы дайте слово, что больше ни с кем не будете работать. Договорились?

– Вы найдете полтора миллиона долларов? – Альтафини отодвинул от себя тарелку с едой. – Вы шутите или говорите серьезно?

Мистер Ланьель говорил, что вы нуждаетесь в деньгах, и поэтому я согласился выплатить вам этот гонорар. А теперь вы говорите о полутора миллионах долларов.

– Мистер Ланьель идиот, – убежденно ответил раздраженный Витовченко, – а я говорю то, что знаю. Завтра утром мы с вами встретимся еще раз, и я назову вам точные сроки получения денег. Когда вы сможете дать мне образцы для проверки?

– Раньше чем через неделю у меня не получится, – признался Альтафини. – Но откуда вы возьмете деньги?

– Будем считать, что я их уже нашел, – ответил Витовченко.

Он уже начал хладнокровно просчитывать ситуацию. Через два часа он сидел в большой квартире Жуковского. Тот принял его с недовольным видом, давая понять, что неожиданный посетитель отвлек его от важных дел. Жуковский даже не сажился. Он стоял перед усевшимся на стул Витовченко, всем своим видом показывая, что готов потратить на этого гостя не более нескольких минут.

– Извините, что я решил вас побеспокоить, Глеб Моисеевич, – начал Витовченко, – но у меня к вам исключительно важное дело.

– Какое дело? – недовольно спросил Жуковский. – Опять понадобились деньги? Или снова приехал кто-то из ваших бывших борцов с тоталитарным режимом? Вам не кажется, что я и так слишком много и часто переплачиваю вашим знакомым и лично вам?

– Это другой случай, – решительно заявил Витовченко. – Дело в том, что я сегодня встретился с итальянским журналистом. Вы его помните, я о нем вам говорил. Марчелло Альтафини. Он готовил серию статей о бывших сотрудниках КГБ в Италии.

– Помню, – равнодушно кивнул Жуковский. – Такой болтун и никчемный журналист. Глупые статьи, ничтожные выводы. Он вам платил какие-то деньги за консультации. Зачем вы с ним встречаетесь? Самодовольный тип, который ничего не знает и не понимает.

– Он сообщил мне сегодня, что ему предложили «красную ртуть», – чуть повышая голос, сказал Витовченко, – и, судя по его словам, это очень надежный партнер, которого он давно знает.

– Не говорите глупостей, – отмахнулся Жуковский, – ее не существует в природе.

– В таком случае вы ничего не теряете. – Витовченко взглянул на продолжавшего стоять хозяина квартиры. – Но если он прав~

Жуковский нахмурился. Он обладал уникальной способностью мгновенно оценивать риски, принимать быстрые решения и соглашаться на невероятные авантюры. Он прошел к дивану и сел, закинув ногу на ногу.

– Интересно, – сказал он, глядя на своего собеседника, – неужели вы полагаете, что она все-таки существует? В Москве все время говорят, что такой компонент просто невозможен.

– И вы верите Москве?

– Я верю своим глазам, – резко ответил Жуковский. – Но, во всяком случае, это интересное предложение. И хотя Альтафини наверняка проходимец, я думаю, что мы можем проверить товар, прежде чем за него заплатить. Сколько он хочет? Надеюсь, не тысячу долларов, иначе сразу будет ясно, что это глупость.

– Полтора миллиона. – Ему очень хотелось сказать два, но он знал, что Жуковский обязательно все проверит и не заплатит ни одного лишнего пенса.

– Солидная сумма, – кивнул Глеб Моисеевич. – Полтора миллиона долларов или фунтов?

– Долларов.

– Все равно солидно. Когда должна состояться сделка?

– Через две или три недели.

– Очень интересно. Но нужно его предупредить, что мы не станем покупать «кота в мешке». Сначала мы все проверим. И проверим достаточно тщательно. А уже потом будет говорить о деньгах и покупке.

– Я ему так и сказал.

– Хорошо. – Жуковский поднялся, и Витовченко вскочил следом за ним.

– Будем считать, что мы предварительно договорились, – подвел некоторые итоги Жуковский. – И учтите, что это очень серьезно. Если нас хотят кинуть или обмануть, то заранее предупредите, что у них ничего не выйдет. Я потребую очень тщательной проверки. А сейчас до свидания. У меня еще две важные встречи.

– Конечно. До свидания. – Витовченко повернулся. Затем остановился, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Извините, – не очень решительно произнес он, – может, вы дадите мне денег в счета аванса будущего месяца?

– Ни одной копейки, – твердо заявил Жуковский, – по-моему, вы получаете достаточно.

– Только как аванс, – снова повторил Витовченко.

– Никаких авансов, – категорически возразил Жуковский, – но я могу вам пообещать хорошие премиальные, если мы сумеем провести эту сделку с Альтафини. Хотя предупреждаю вас, что я ему не доверяю. Вас ведь познакомил с ним этот проходимец Ланбель, а он готов на все ради денег. На любую пакость.

«Сволочь, – подумал Витовченко, выходя из комнаты, – лучше бы дал денег, чем морализировать на тему моих связей».

ЗА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. ВАШИНГТОН

Специальный агент Ричард Кинг работал в паре со своим напарником Джеймсом Крейгом уже больше пяти лет. Они идеально дополняли друг друга, и их справедливо считали лучшими среди остальных. На счету обоих специальных агентов было много успешно проведенных операций. Счет их побед был достаточно внушительным. Темнокожий афро-американец Кинг и высокий, подтянутый, седовласый Крейг появились там, где остальные сотрудники уже не могли добиться успеха. Но оба помнили и о своем провале в Испании, когда «ликвидатор», которого они долго вычисляли, сумел обмануть всех и погиб при не совсем выясненных обстоятельствах. Экспертиза показала, что он был ранен, но вполне мог выжить. Однако его сбила машина, в которой находились два прикрепленных к нему «наблюдателя». Очевидно, они посчитали его безнадежным и решили таким образом предотвратить любую утечку информации.

В этот день Крейг получил донесение из посольства США в Москве и пригласил к себе Кинга, чтобы обсудить с ним сложившуюся ситуацию.

– Наш агент в организации уверяет, что русские знают о его существовании, – огорчил с порога своего коллегу Крейг. – Он считает, что они начали проверку с целью выявления «крота» в своих рядах.

– Значит, и у нас есть их информатор, – резонно заключил Кинг, усаживаясь напротив. – Нам тоже придется проводить тщательную проверку.

– Я бы удивился, если бы это было не так, – в сердцах заметил Крейг. – Но я думаю, что не все так просто. У нас нигде не проходит название организации «Щит и меч». Вместо этого мы указываем, что это компания по производству запасных деталей к автомобилям. Мы еще в прошлом году ввели строжайший запрет на любое упоминание организации. Значит, утечка произошла не здесь. Нужно позвонить в Мадрид, пусть начнут свою проверку. Я уверен, что сведения в Москву поступали именно оттуда. Очевидно, кто-то из сотрудников испанской полиции и испанской службы безопасности работает на Москву. Он и сообщил о нашем интересе к этому делу. И указал название организации. Будем рассуждать последовательно. Очевидно, это сообщение попало либо в Службу внешней разведки России, либо в Главное разведывательное управление Генштаба. И кто-то из сотрудников организации, осведомленный о нашем интересе, сразу передал эти сведения своему руководству в этой «компании». Только в таком случае они могли обо всем узнать. И если в донесениях испанцев организация была названа своим именем, а я не сомневаюсь, что все так и было, тогда русские могли узнать о том, что нам известно. И начать немедленный поиск «крота».

– В таком случае, человек, который передал эти сведения, нарушил служебную тайну. Он не имел права передавать подобные сведения в свою организацию, – сказал Кинг.

– Я не думаю, что они считают это слишком большим нарушением. В конце концов, организация, состоящая в основном из ветеранов советских спецслужб, была создана с целью лучшей защиты российских интересов за рубежом. Они считают, что осуществляют благородную миссию: выявляют бывших предателей и расправляются с ними на благо своей страны. Мне не очень удобно напоминать вам, но и в нашей собственной истории была подобная организация. Когда южане проиграли Гражданскую войну и в их городах появились победители-янки, почти во всех южных штатах возник Ку-клукс-клан, организация бывших ветеранов южных армий, не смирившихся с поражением. И мы помним, как они действовали.

– Я не думаю, что это удачное сравнение, – нахмурился Кинг, – мы ведь выходцы с юга. Эти расисты терроризировали нас в течение ста лет, пока не появился Мартин Лютер Кинг. Вы

даже не можете себе представить, как сложно было темнокожему парню оказаться в обычном автобусе еще в шестидесятые годы прошлого века. Мне об этом рассказывал отец. Нам было даже запрещено ходить с белыми в одни школы или университеты. Они так и не смирились со своим поражением в Гражданской войне.

– Организация «Щит и меч» как раз и состоит из ветеранов, которые тоже не смирились с поражением Советского Союза в холодной войне, – напомнил Крейг. – Мы еще даже не до конца понимаем, какую блестящую победу одержали в этой войне, разгромив не просто самого сильного соперника, который когда-либо мог появиться у нашей страны. Мы разбили целую систему, уничтожили противостоящий нам военный блок стран Варшавского договора, заставили их поверить в наши ценности и принять наши идеалы. Я уже не говорю про Советский Союз, который просто оказался разорванным на куски. И теперь наши самолеты и танки стоят в нескольких километрах от символа их революции, бывшего Ленинграда. Как вы думаете, им очень нравится такое положение дел?

– Вы как-будто их оправдываете.

– Я пытаюсь понять логику их поступков. Они считают, что все проиграли и все потеряли. Поэтому они создают подобные организации, чтобы защищать свои интересы. Я не сомневаюсь, что создают их при молчаливом попустительстве официальных властей, как было и в нашей стране, когда руководство южных штатов прекрасно знало о деятельности куклуксклановцев на своих территориях. Все повторяется, только в ином виде. После разгрома немцев во Второй мировой войне в Германии начали появляться реваншистские организации. Так было всегда и так будет. А теперь представьте, что бы мы с вами делали, если бы ситуация поменялась на противоположную. Представьте себе, что Канада и Мексика объявили, что собираются строить коммунизм и входят в систему стран Варшавского договора. А наша собственная страна распалась бы на штаты, некоторые из которых тоже вошли бы в противоположный блок. Например, Пенсильвания или Массачусетс. Можете себе представить? Как бы мы с вами реагировали на подобные изменения? И куда бы пошли? Я думаю, мы бы тоже создали подобную организацию, которая начала бы свою деятельность с удвоенной энергией. То, что не могла бы сделать официальная власть, способна сделать подобная организация.

– Похоже, вы считаете их патриотами?

– Так и есть. Это люди, не смирившиеся с итогами холодной войны. И с распадом собственной страны. Поэтому они не просто исполнители, а настоящие фанатики, истово верящие в свои цели и неплохо подготовленные ветераны спецслужб. Поэтому всякие рассуждения о том, почему мы не можем взять никого из них живьем, лишены всякого здравого смысла. Эти люди служат во имя высокой идеи. Их можно ненавидеть, но нельзя не уважать.

– Что делать с нашим агентом? Его не могут взять на сеансах связи с представителями нашего посольства?

– Нет. Они даже не знают друг друга. Агент Леонид был завербован еще в прошлом году, когда на него вышли через нашего представителя в Эстонии. Никаких связей с нашим посольством у агента, внедренного в организацию, нет. Только опосредованная связь. Он отправляет обычные сообщения по мобильному телефону своим знакомым и получает ответы тем же образом. Только на мобильный телефон. Проверить миллионы безобидных сообщений просто нереально. К тому же этот телефон агенту выдали еще в прошлом году, и он зарегистрирован на другое лицо.

– У агента есть запасной вариант связи?

– Конечно. Но в нашем посольстве о нем никто не знает. Даже наш резидент в Москве. Никто. Поэтому любая утечка информации с нашей стороны абсолютно исключена.

– Остается надеяться, что они его не смогу вычислить.

– Во всяком случае мы ему должны немного помочь, – улыбнулся Крейг. – Я уже говорил с аналитическим отделом. Подготовим специальную операцию по прикрытию нашего агента.

И сделаем так, чтобы об организации наконец узнали журналисты. Но мы же не можем собрать пресс-конференцию и объявить, что у русских есть подобные тайные общества, которые занимаются истреблением бывших перебежчиков. Поэтому мы проведем операцию совместно с нашим английскими коллегами. Тем более что русские собираются совершить свою самую большую ошибку. Они запланировали ликвидацию полковника Гордиевского, бывшего резидента их внешней разведки в Лондоне. Можете себе представить, что именно произойдет? Он был самым известным агентом из тех, кто перешел на нашу сторону. Мы даже удивлялись, почему его столько лет не трогали «ликвидаторы» из России. Потом английские коллеги объяснили нам, что он готовил встречу бывшего президента Михаила Горбачева с бывшим премьером Маргарет Тэтчер. Ликвидация Гордиевского могла вызвать невероятный скандал и выставить советскую и российскую разведки в очень неприглядном виде. Но сейчас прошло уже много лет. Гордиевский официально появляется на приемах и в посольствах. Он дает интервью, стал публичным человеком, пишет книги о своем бывшем ведомстве. И лучшей кандидатуры, чтобы высветить деятельность организации, у нас просто никогда не будет. Агент Леонид передал нам сообщение, что русские решили убрать Гордиевского. Тем лучше. Остается сделать так, чтобы русские проглотили нашу наживку. Пусть они действуют, ведь это их собственный план. И тогда мы нанесем ответный удар, опубликовав все материалы по организации.

– А если они не захотят проводить такую рискованную операцию? – спросил Кинг. – У нас должна быть альтернативная кандидатура.

– Захотят, – уверенно ответил Крейг. – Мы их немного подтолкнем. И насчет альтернативной кандидатуры тоже думаем. У нас есть несколько вариантов для подобного случая. Я вылетаю через несколько дней в Лондон.

ЗА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ. МОСКВА

Все эти дни он работал с документами, проверяя, кто и когда мог узнать о командировке Фармацевта в Испанию. Нужно было вычислить человека, который мог знать о целях визита «ликвидатора» и его конкретной задаче. Караев с нарастающим изумлением узнавал, кто именно входит в состав организации, осознавая масштабы ее деятельности. Он даже не предполагал, насколько серьезные силы были задействованы в этом проекте. Среди членов организации были люди, уже давно ставшие легендами в своих спецслужбах и ушедшие на пенсию. Но были и действующие руководители спецслужб, офицеры и сотрудники, которые считали для себя возможным состоять в этой организации, помогая ей по мере возможного.

В этот день его вызвал к себе Большаков.

– Прошло больше недели, – напомнил генерал, – мы терпеливо ждали, пока вы закончите свое расследование. У вас есть какие-нибудь предварительные выводы?

– Не очень приятные, – признался Караев, – но я все тщательно проверил. В нашей организации все построено таким образом, что о визите Фармацевта в Испанию не могло знать много людей. Я составил список и все проверил несколько раз. Дело в том, что некоторые знали о визите Фармацевта, переводя ему деньги, некоторые знали о существовании самого «ликвидатора», некоторые собирали информацию на Скобелева, которого он должен был ликвидировать. Но всей информацией владели только несколько человек. «Крот», которого мы ищем, должен был знать, куда и зачем отправляется «Фармацевт» и с каким конкретным заданием. Очевидно, что американцы ждали нашего «ликвидатора». Но всех подробностей «крота» не знал, ему не были известны точные сроки исполнения, и он не смог сообщить американцам, кто именно появится в Испании. Значит, несколько человек, которые были в курсе всего происходившего, автоматически исключаются из списка подозреваемых.

– И первая фамилия моя? – криво усмехнулся Большаков.

– Да, – кивнул Караев, – вы и генерал Чеботарев из Службы внешней разведки знали все возможные детали операции. Даже если предположить, что американцы нарочно сделали так, чтобы не подставлять своего агента, то и тогда не получается с вашими кандидатурами. Если бы американцы и испанцы точно знали, кто именно к ним пожалует, они бы перехватили «ликвидатора» до того, как он появился на вилле. Ведь главной целью было не спасение Скобелева, а получение информации о нашей организации. Я почти уверен, что «крота», который сидит среди нас, завербовали совсем недавно, буквально несколько месяцев назад. Я еще проверяю, кто из руководства организации внезапно начал тратить крупные суммы денег или резко изменил привычный образ жизни.

– Мы дали вам всю информацию, какую только могли, – напомнил ему Большаков, – и вы пришли к выводу, что я не предавал организацию, которую сам и создавал? Вам не кажется, что это слишком ничтожные результаты для более чем недельного расследования?

– Да, – согласился Караев, – поэтому я сделал небольшой список. Только четыре человека. Я убирал всех остальных в результате жесточайшего отбора. Проверял много раз каждую кандидатуру, выяснял, когда и кого приняли в организацию, в какие секреты он был посвящен, что именно мог узнать. Осталось только четыре человека, Иван Сергеевич. И один из них должен быть тем самым «кротом», которого недавно завербовали. Судя по всему, этот «крот» сообщил о деятельности Фармацевта уже после того, как «ликвидатор» погиб в Испании. Я исходил из этого конкретного факта, который может быть ключом к обнаружению «крота». Разбор и анализ случившегося проводился с учетом этих людей, каждый из которых мог впоследствии сообщить о провале нашего сотрудника американцам.

– Дайте ваш список, – потребовал Большаков.

Тимур Аркадьевич достал из папки список и передал его генералу. Тот взял лист бумаги, прочел четыре фамилии и нахмурился. Еще раз прочел четыре фамилии.

– В таких случаях обычно спрашивают, в своем ли вы уме, – задумчиво произнес Иван Сергеевич, – но я не стану. Очевидно, в своем, если вы решились принести мне это. Вы понимаете, кого вы в него включили? Если действительно кто-то из них работает на американцев, это означает, что у нас просто нет никаких секретов, о которых они бы не знали.

– Я все внимательно проверил, – печально ответил Караев, – и оставил только этих четверых. Я понимаю меру своей ответственности. Но я убежден: кто-то из них. Если хотите, я ручаюсь. На девяносто девять процентов. Остальные не могли знать таких подробностей.

– Тогда почему девяносто девять? У вас есть сомнения?

– Один процент я всегда оставляю на какое-нибудь невероятное совпадение или случай, о котором я не смог узнать.

Большаков снова задумчиво взглянул на лежавший перед ним лист бумаги.

– Я не могу принять от вас подобный список, – глухо сказал он, – просто не имею права. Вы включили в него таких людей, которым я абсолютно и давно доверяю. И вы должны понимать, насколько глубоко мы оскорбим этих людей, если они узнают о результатах вашего расследования.

Караев молчал. Он понимал, о чем говорит генерал. Большаков раздраженно крякнул. Взглянул на свои телефоны. Потом снова на собеседника.

– Вы настаиваете на своем списке? Возможно, вы поторопились или ошиблись? Вы понимаете, что если я сейчас его приму и отпущу вас, то по всем этим кандидатурам мы будем очень плотно работать. И я не могу вам гарантировать, что они не узнают о том, кто именно включил их в этот печальный список.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.